Сила правдивого слова

Искусство художественного чтения — самостоятельный вид сценического искусства, хотя очень часто этого не подозревают даже сами чтецы.

Драматические актеры часто считают себя вправе, выучив наизусть какой-нибудь прозаический отрывок или стихотворение, выступать с чтением его перед публикой. Актер рассчитывает, что театральные опыты подскажут ему, как корректно провести на сцене 10—12 минут, в продолжение которых он огласит текст избранного им литературного отрывка.

А между тем, искусство художественного чтения имеет свои законы, и для того, чтобы сознательно воздействовать на аудиторию, чтец должен обладать особым, своеобразным мастерством.

Искусство чтения с эстрады требует от исполнителя умения ясно донести до слушателя идею произведения, нарисовать пейзаж и обстановку действия, точно показать характеры героев. Чтец должен тонко чувствовать стиль писателя, его язык.

В то же время у чтеца гораздо меньше средств художественного воздействия на слушателей, чем у актера, участвующего в спектакле. Но, вероятно, они и не нужны ему, ибо перевоплощение чтеца в образ героя гораздо более условно, чем перевоплощение актера театра или кино.

В многообразном искусстве художественного чтения, грубо говоря, можно наметить две основные линии. Одна, ярким представителем которой был В. И. Качалов, — это чтение от лица автора, чтение, которое как бы описывает слушателю и место действия, и персонажей, и их поступки. Выдающимся представителем другой линии был В. Н. Яхонтов, чтец, играющий исполняемую им вещь.

Ярко освещенная эстрада и на ней одинокий человек, а в темном зрительном зале, отгородившись настроенностью и любопытством, сидят многочисленные слушатели — это начало выступления чтеца. Ему нужно завоевать все пустое пространство сцены, ему нужно построить широкий мост в зрительный зал, победить недоверие и равнодушные зрительские. Чтец должен заполнить сцену и зал убеждающими пейзажами, точными картинками обстановки и мест действия рассказа. Рядом с каждым зрителем он должен поставить живых героев исполняемой им вещи, а главное, ему нужно увлечь слушателей, взволновать, заставить их разделить мысли и чувства автора.

Мне кажется, что к художникам этой второй манеры принадлежит и Валентина Алексеевна Попова, удостоенная Сталинской премии за высочайшее мастерство художественного чтения.

Недавно пишущему эти строки довелось присутствовать на концерте, в котором участвовала В. Попова. Ее глубокая, выразительная и своеобразная передача исполняемых вещей произвела сильное впечатление на слушателей. Я видел, как напряжены были лица у сидящих в зрительном зале во время исполнения стихотворения кубинского поэта Гильена. Я видел, как слушатели невольно и ласково улыбаются навстречу ласковым словам азербайджанской колхозницы. Я видел, с каким волнением была воспринята речь Никаноровой

— отрывок из литературного сценария С. Антонова.

Но пусть мой короткий рассказ о ее выступлении пойдет по порядку.

Объявили выступление Валентины Алексеевны Поповой. Сцена секунду оставалась пустой, и вот из-за кулис быстро, энергичной походкой вышла молодая женщина в длинном черном платье. Внимательно рассматривали мы ее лицо, глаза — спокойные, вдумчивые. Валентину Алексеевну, казалось, не смутило наше пристальное, выжидающее внимание. У нее был вид человека, пришедшего сказать нам что-то важное и необходимое, и такая малость, как наша настороженность, не имела значения в том серьезном деле, которое ждало ее.

Попова поставила перед собой стул.

— Речь Никаноровой!

Быстро, несколькими фразами описав место действия, Валентина Алексеевна улыбнулась уголком рта и начала говорить от имени Никаноровой. Так просто, уверенно и убедительно зазвучали ее слова, что мы из слушателей концерта незаметно для себя превратились в участников конференции в защиту мира. Мы перестали замечать концертное платье чтицы, мы видели только ее ласковое русское лицо. Все больше и больше передавалось нам ее волнение. Мы понимали и разделяли ее гордость, когда она говорила о величии матерей, борющихся за мир.

Наши аплодисменты, наверно, были похожи на аплодисменты аудитории, перед которой выступала Никанорова. Вероятно, Попова так их и восприняла.

— Поэт Гильен. «Моя родина кажется сахарной».

Послышался звук баяна. Плавно раскачиваясь в ритме какого-то незнакомого танца, улыбаясь немного странной, кукольной улыбкой, женщина стала довольно равнодушным голосом восхвалять свою родину — Кубу. С некоторым недоумением прислушивались мы к ее словам, и вдруг, резко повернувшись к нам, слушателям, и прикрыв лицо рукой от кого-то, кому она пела хвалебную песню, женщина горько шепнула: «Но солнце из желчи над ней».

Всем сердцем услышали мы этот голос правды, прорвавшийся к нам через официальную песню, восхваляющую колониальный «рай».

Мы слышали этот шепот и думали, что вот так же доносятся к нам, людям мира, свободы и счастья, жалобы угнетенных и обездоленных людей того мира, которому даже солнце, наше солнце, несущее нам жизнь и радость, кажется желтым.

И вот опять перемена на эстраде.

Перед нами женщина, руки которой движутся, вновь передавая ритм танца, но уже радостного, ласкового. И мы слушаем слово азербайджанской колхозницы. Слово о ее земле, о ее жизни. О ее будущем. О Сталине! И она зовет нас к себе, в свою благополучную страну, страну богатства и дружбы, страну молодости.

— Мы себе плов наварим с медом — и сами будем есть!..

— Сами дворцы мы себе построим — сами в них будем плясать!..

И ощущение счастья охватывает нас. Вот сила правдивого слова!

Б. ЧИРКОВ,
народный артист СССР.